

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

О.Е. ХУХЛАЕВ

Приводятся результаты исследования этнонациональных установок современной российской молодежи в трех регионах России и в Латвии на 1069 респондентах 13–20 лет. Описаны четыре формы этнонациональных установок. Проведен анализ поло-возрастных и региональных различий в этнонациональных установках. Дано описание взаимосвязи этнонациональных установок молодежи и специфики образовательного учреждения, материального положения, межличностных отношений и представлений о будущем.

Ключевые слова: этнонациональные установки, национализм, предубеждение, молодежь.

Один из пионеров изучения проблем этничности Р. Брубейкер заметил, что современные тенденции развития исследования этничности, расы и национализма «порождают новое исследовательское поле: «компаративистское», глобальное, междисциплинарное и мультипарадигматичное» [19; 21]. Вероятно, это является прямым следствием специфики данного феномена — большинство социальных наук так или иначе отдали дань изучению националистической проблематики. Однако в психологии мы видим несколько иную картину. Не случайно мексиканский исследователь Р. Диас-Гуэрреро в 1997 г. отмечал, что «концепт национализма только недавно вошел в психологический словарь» [21; 373]. С нашей точки зрения, он был слишком оптимистичен: и в настоящее время с трудом можно говорить о реальном «вхождении» национализма в исследовательское пространство современной психологии.

Несмотря на то, что события второй мировой войны породили среди психологов большой интерес к изучению националистических феноменов (в основном, правда, в русле клинической психологии и/или психоанализа [18], [22]), после ее завершения в фокусе внимания психологов

в большей степени были только проблемы предубеждений и дискриминации.

По результатам поиска в базах данных ScienceDirect и EBSCO мы обнаружили не более двух десятков посвященных проблематике национализма психологических статей, вышедших за последние 20 лет. В то же время вопросы предубеждений, стереотипов и дискриминации представлены среди зарубежных изданий очень широко. Так и в нашей стране: проблемы ксенофобии, межгрупповой неприязни и национализма подробно изучаются социологами ([7], [8], [12]), проблематика предубеждений исследуется, но при этом в существенно меньшей степени темы, смежные с феноменом национализма, поднимаются психологами в рамках исследования толерантности и ксенофобии [14], [15].

Такая ситуация не представляется нам случайной. Основные экспериментальные исследования в области межгрупповых отношений проводились в США. Специфика американской социально-политической ситуации состояла (и во многом состоит на сегодняшний день) в том, что наиболее значимые проблемы «этнически-окрашенного» межгруппового взаимодействия структурируются по одному базовому вектору «черные» — «белые». В связи с этим изучение предубеждений и дискриминации, связанных с цветом кожи, является в настоящее

время мейнстримом зарубежной социальной психологии.

Также важным для американской действительности является изучение отношений с латиноамериканцами, однако количество наиболее проблемных направлений «этнически-окрашенной» межгрупповой коммуникации все равно ограничено и достаточно постоянно. Предубеждение (как и дискриминация) всегда направлено против кого-то, т.е. связано с конкретной группой и может изучаться только применительно к ее восприятию. Как мы видим, это вполне соответствует задачам американских исследователей; однако несмотря на это, в последнее время некоторые зарубежные авторы склоняются к мысли о том, что национализм как отдельный феномен заслуживает специального изучения психологов [20], [25].

В России мы сталкиваемся с совершенно иной социально-политической ситуацией. Объекты предубеждений крайне многочисленны, более того, их наименования зачастую меняются очень быстро, во многом под влиянием политической ситуации. Маркеры дискриминационного отношения также крайне разнообразны и ситуативны: они могут колебаться от незначительных антропологических отличий от «славянского» типа до целого набора признаков (темный цвет кожи, «плохой» русский язык, работа на рынке, отсутствие постоянной регистрации и пр.). Безусловно, мы можем каждый раз выделять конкретные объекты предубеждений, но вследствие специфики социально-политической ситуации наши результаты (основанные на изучении предубеждений по отношению к ситуативно выделенным объектам) в этом случае могут оказаться недостаточными для объяснения именно националистических феноменов.

В связи с этим встает вопрос поиска более универсальных психологических детерминантов национализма, чем классическое представление о предубеждении

по отношению к конкретной группе. В нашем исследовании, реализуемом в рамках исследовательского проекта «Социально-психологический анализ факторов возникновения и условий предотвращения национализма в молодежной среде» мы решили взять за основу представление об этнонациональных установках как ключевом психологическом концепте в области изучения национализма. Более подробно философские, культурологические и социологические обоснования данного подхода изложены в статье «Национализм как социально-психологический феномен» [17]; настоящая публикация посвящена изложению результатов эмпирического исследования, поэтому мы остановимся на теоретических вопросах лишь вкратце.

Индивидуальные «национальные» аттитюды — это один из главных возможных объектов эмпирического изучения национализма, представленный в немногочисленных подобных исследованиях [20]. Мы предпочли использовать термин «этнонациональные установки», определяемые как аттитюды, объектом которых является феномен «национальности», являющийся в современном российском публичном дискурсе синонимом этничности. Именно в этом ключе мы и будем рассматривать данный термин, понимая, что с точки зрения современной (в первую очередь зарубежной) науки он определяется скорее как этническая принадлежность.

В зарубежной социальной психологии этнонациональные установки (ethnic attitudes) зачастую рассматриваются в одной плоскости с предубеждениями [26] как элемент так называемого современного расизма [23], [24]. Мы уже говорили о том, что использование концепта предубеждения сужает исследовательские возможности в области понимания природы национализма в отечественном социальном пространстве. Однако если обратиться к определению предубеждения как межгрупповой установки, выражающей нега-

тивное отношение к определенной группе и/или ее членам ([10], [11]), то можно заметить, что значительная часть этнонациональных установок не может быть отнесена к данному понятию, так как они не связаны с конкретикой межгрупповых отношений. Отличия между предубеждением и этнонациональной установкой проходят по оси «конкретное/абстрактное» или «ситуативное/генерализованное».

С точки зрения отечественного понимания социальной установки [2] можно сказать, что этнонациональные установки — это смысловые установки, поскольку они связаны в первую очередь со смыслом явления «национальность» вне зависимости от ситуативного контекста взаимоотношений. Предубеждение же всегда рассматривалось исследователями (начиная с Г. Олпорта [11]) в контексте реальных межгрупповых отношений. Его объект — конкретная этнонациональная группа. Используя подход А.Г. Асмолова, можно сказать, что предубеждения — это операциональные установки, так как они связаны в первую очередь с решением задачи в ситуации межгруппового взаимодействия.

Таким образом, можно определить этнонациональные установки как предрасположенность индивида к оценке проявлений феномена национальности (этничности) или оценочное отношение к феномену национальности. Они являются генерализованными, так как существуют вне контекста конкретных межгрупповых отношений. Подобный подход не является чем-то абсолютно новым для данной исследовательской области. Послевоенная научная традиция вывела на первый план изучение авторитаризма (А. Адорно, Э. Френкель-Брунsvик, Э. Фромм и другие) [1], [16]. Толерантность и мультикультурные установки, активно изучаемые в настоящее время в отечественной психологии, также можно определить как генерализованные установки.

Все вышеперечисленные концепты используются исключительно для бинарного

анализа. Таким образом, при их изучении исследователи исходят из наличия только одной оппозиции: этноцентризм/мультикультурализм, толерантность/интолерантность и т.п.

Однако, исходя из исследований последних 20 лет, акцентирующих внимание на изучении скрытого расизма, можно утверждать, что подавляющее большинство расистских и националистических установок в современном мире амбивалентны, т.е. их структура более сложна и не укладывается в двухполюсную модель. В связи с этим мы предположили существование многомерной модели этнонациональных установок.

МОДЕЛЬ ЧЕТЫРЕХ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ УСТАНОВОК

В 2007 г. совместно с И.М. Кузнецовым и Н.В. Ткаченко была проведена серия фокус-групп с молодежью 15–10 лет, проживающей в Москве. Фокус-группы были посвящены обсуждению отношения респондентов к различным составляющим установочной позиции по отношению к национальности. На основании анализа высказываний участников фокус-групповых исследований нами было выделено более 80 установочных утверждений. С помощью факторного анализа эти утверждения были сведены в краткий опросник, состоящий из 24 утверждений; он получил название Шкала этнонациональных установок.

Данный опросник был апробирован в 2007 г. на 150 респондентах возраста 15–18 лет, проживающих в Москве, а также на Юге России (г.Армавир Краснодарского края). По результатам факторного анализа полученных материалов мы выделили четыре формы этнонациональных установок, которые образовали базовые шкалы опросника (надежность (α) каждой из шкал колеблется в диапазоне от 0,8 до 0,84).

В силу того, что эта типология была построена на материале факторного анализа

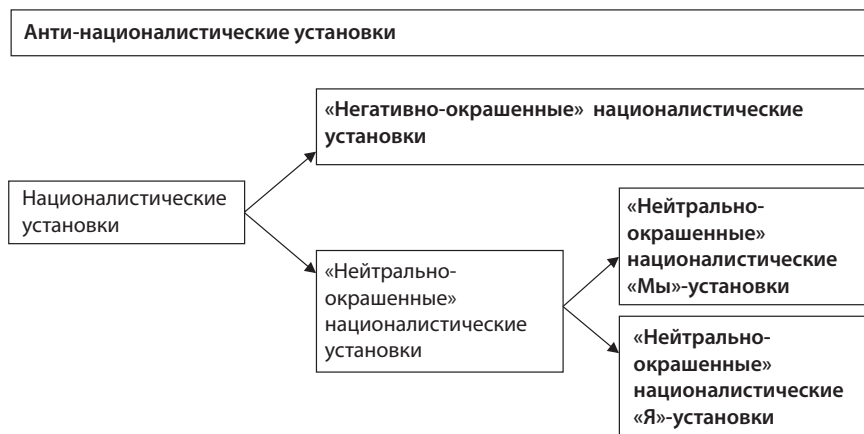

Рис. 1. Факторная структура этнонациональных установок.

Жирным шрифтом выделены группы установок, вошедшие в исследовательский опросный инструментарий.

ответов испытуемых, в ее основе лежат одновременно три переменные (см. рис. 1).

Первый критерий различия соответствует наиболее общему разделению установки на две группы: утверждающие важность, нужность, значимость «национальности» и «национального» и оппонирующие им. Эти две группы были обозначены как *националистические* и *антинационалистические установки*. При этом под националистическими установками понимается готовность использовать феномен «национальности» для анализа окружающего социального пространства и себя самого вне зависимости от вектора оценки представителей других этнических групп. Здесь мы основывались на наиболее традиционном в социальных науках определении национализма как «совокупности идеологий и политических движений, использующих в качестве символа понятие “нация”» [5; 132]. Переноса это определение на процесс социальной перцепции, можно говорить о том, что национализм — это использование категории «нация» («национальность») как значимой при восприятии себя и окружающего мира.

Второй критерий разделяет националистические установки на две группы - *негативно* и *нейтрально-окрашенные*. Здесь ключевым моментом является отношение к «иным»: изначально негативное, как

к потенциальному источнику угрозы или же нейтральное, без однозначного оценочного отношения.

Третий критерий делит нейтрально-окрашенные установки на два фактора: *Я-установки* и *Мы-установки*. Связано это с тем, что в первом случае мы наблюдаем установки личностного характера, имплицитно содержащие представление о национальности как о феномене приватного, личного пространства (интимном переживании); во втором случае мы видим установки ориентирующие человека на поиск «национального» в межличностном пространстве, внимание к национальности как к фактору взаимодействия людей (Мы-установки).

Последующий анализ данной факторной структуры на различных выборках показал, что первые два критерия не зависят от региональных, возрастных и др. различий и не меняются с увеличением числа респондентов. Таким образом, три формы этнонациональных установок: антинационалистические, негативно окрашенные националистические и нейтрально окрашенные националистические установки можно определить как базовые. Разделение «нейтрально-окрашенных» на «Мы» и «Я»-установки эмпирически подтверждается далеко не так четко. Однако в си-

туации, когда в факторной структуре мы не обнаруживаем «Нейтрально-окрашенных» националистических «Мы» - установок — вместо них обязательно наблюдается фактор (обычно наименее значимый из четырех) противоположный по смысловому наполнению. Это говорит о том, что данное разделение имеет под собой эмпирическое обоснование и может рассматриваться как рабочее при анализе этнонациональных установок.

ВЫБОРКА И ПРОЦЕДУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

Мы использовали опросник Шкала этнонациональных установок (авторы О.Е. Хухлаев, И.М. Кузнецов, Н.В. Ткаченко), реализующий идею многомерно-го изучения генерализованных установок респондентов по поводу национальности и межнациональных отношений, маркируемых (из-за особенностей российского общественного дискурса) как синоним этничности.

Структура базовых установок, отражающаяся в основных шкалах опросника, подробно описана выше. Она состоит из четырех базовых шкал: 1) антинационалистические установки; 2) негативно окрашенные националистические установки; 3) нейтрально окрашенные националистические Мы-установки; 4) нейтрально окрашенные националистические Я-установки.

Однако на основании теоретической модели авторами были выделены дополнительные шкалы, не находящие отражение в факторном пространстве, однако имеющие достаточную надежность (α -коэффициент Кронбаха = 0,65–0,77) и «прозрачное» теоретическое обоснование. Они представлены в исследовательском инструментарии как дополнительные шкалы:

1. Позитивная оценка феномена национальности
2. Негативная оценка феномена национальности

3. «Не-значимость» своей национальности

4. Позитивное отношение к людям своей национальности

5. *Негативное отношение к людям «других» национальностей.*

Исследование проводилось в 2007–2008 гг. в трех регионах России: Москве (основная часть выборки, 794 респондента), Воронеже (105 человек) и Армавире Краснодарского края (93 человек), а также в ближнем зарубежье (Рига, Латвия, 77 человек).

Всего в исследовании приняли участие 1069 молодых людей (577 юношей и 492 девушки). Средний возраст респондентов — 16 лет, возрастной разброс — 13–20 лет, основная часть выборки — респонденты 14–17 лет (80%).

Значимым для отражения генеральной совокупности условием был охват разного типа учебных заведений, в которых проводилось исследование. Наиболее адекватно этому условию удовлетворяет столичная выборка, которая включает в себя: а) студентов вузов (технического и гуманитарного), б) учащихся средних специальных учебных заведений (строительный колледж; мультикультурный колледж СНГ; кадетская школа), в) учеников средних школ (традиционные школы; школы в которых открыты подразделения для обучения мигрантов — «Школы русского языка»). Дополнительно в исследовательский материал были включены данные столичных скинхедов.

Остальные региональные выборки состояли только из двух частей: школьники и студенты гуманитарных вузов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Средние данные и поло-возрастные различия в этнонациональных установках. В начале рассмотрим результаты сравнения средних по всей выборке в целом по базовым шкалам — основным этнонациональным установкам. В наибольшей степени

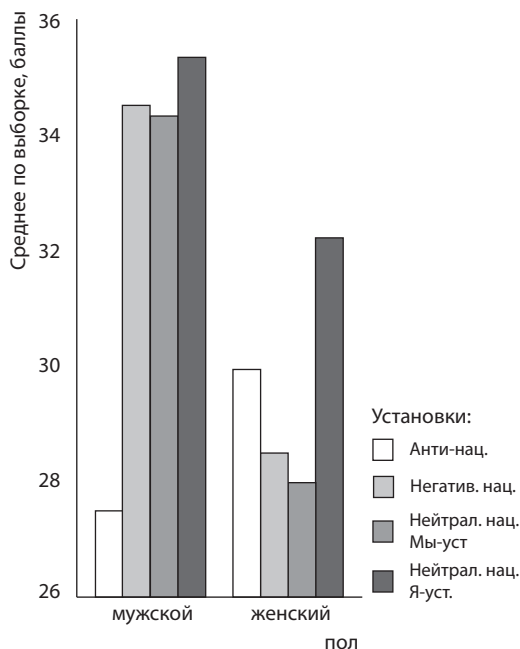

Рис. 2. Средние значения согласия с этнонациональными установками (половые различия)

современная молодежь демонстрирует согласие с нейтрально окрашенными националистическими Я-установками. Негативно окрашенные и нейтрально окрашенные националистические Мы-установки одобряются в меньшей степени (различия достоверны (Т-тест при $p \leq 0,01$); при этом между ними самими различий нет. Наименьшее согласие респонденты продемонстрировали с антинационалистическими установками.

Юноши обнаружили большее согласие со всем вариантами националистических установок, девушки же, напротив, — с антинационалистическими (рис. 2).

Анализируя взаимоотношения установок в целом, можно сказать, что профиль этнонациональных установок в женской части выборки имеет более сбалансированный характер, чем у юношей. В обеих подгруппах (как и в целом по выборке) преобладают нейтрально окрашенные националистические Я-установки, однако у девушки разрыв между ними и антина-

ционалистическими установками не столь значителен, как у мужской части выборки.

Перейдем к анализу дополнительных шкал опросника, которые, как было отмечено выше, не являются результатом факторного анализа, а выведены на основании теоретических представлений.

Наиболее согласны (а точнее, наименее не согласны) респонденты с установками на позитивную оценку феномена национальности и одновременно на негативную оценку феномена национальности. Значимых различий в целом по выборке по данным шкалам не наблюдается. Подобная амбивалентность (одинаковый уровень согласия с диаметрально противоположными по смыслу установками) может говорить о том, что национальность и отношение к ней — многомерный феномен, характеризующийся высокой степенью противоречивости.

Наименее выражены у современной молодежи установки на незначимость своей национальности. Среднее по этой шкале достоверно отличается от результатов всех остальных шкал, кроме *негативного отношения к людям других национальностей*. Промежуточное положение занимает установка на *позитивное отношение к людям своей национальности*.

Обратим внимание на половые различия по данным дополнительных шкал опросника этнонациональных установок. Наиболее выражено у юношей согласие с установками на *позитивное отношение к людям своей национальности*. Затем идет группа установок, между которыми нет статистически достоверных различий, — *позитивная оценка феномена национальности, негативное отношение к людям иной национальности и негативная оценка феномена национальности*. Наименьшую степень согласия юноши демонстрируют с установками на *незначимость своей национальности*. У девушек картина несколько иная. Они показывают наибольшее согласие с *негативной оценкой феномена*

национальности. Далее без достоверных различий идут установки на *незначимость своей национальности* и на *позитивную оценку феномена национальности* в целом. Наконец, наименьшее согласие девушки демонстрируют с установками на *негативное отношение к людям иной национальности* и *позитивное — к своим*.

Сравнивая мужскую и женскую часть выборки в целом можно сделать вывод о том, что юноши более девушек демонстрируют согласие с установками на *позитивную оценку феномена национальности*, *позитивное отношение к людям своей национальности* и *негативное — к чужакам*. Именно по поводу негативного отношения к людям других национальностей различия самые весомые. Девушки, напротив более чем подростки и юноши склонны поддерживать установки на *незначимость своей национальности*.

Рассмотрим вопрос о том, оказывает ли возраст влияние на изменение этнонациональных установок. По данным проведенного исследования, такое воздействие не прослеживается. Результаты дисперсионного анализа MANOVA говорят о крайне слабо выраженном влиянии возраста на этнонациональные установки, которое не наблюдается в одномерных тестах и в однофакторном ANOVA; даже ограничение анализа группой 14–17-летних (наибольшая часть выборки) не дает существенных изменений. Если обратить внимание на дополнительные шкалы опросника, построенные на основании теоретических представлений, то здесь наблюдается незначительное влияние возраста, которое отражается и в одномерных тестах. Экспериментальные данные позволяют сказать, что этнонациональные установки подвержены возрастным изменениям только в области установок, связанных с *негативным отношением к другим национальностям*.

По результатам парных сравнений (ANOVA, $p = 0,012$) мы получили данные о том, что негативное отношение к иноэт-

ничным «чужакам» значимо не различается в возрасте 14–16 лет; респонденты демонстрируют скорее амбивалентное отношение к анализируемой установке («в чем-то согласен, в чем-то нет»). Однако к 17 годам имеет место резкий спад согласия с установкой на *негативное отношение к людям другой национальности*, подтверждающийся на парных сравнениях ($p \leq 0,05$). Позднее, к 19 годам, опять наблюдается рост (практически до того же уровня, что и в 15 лет, различия достоверны по сравнению с показателями 17 лет), а затем спад к 20 годам. Таким образом, можно выделить два возрастных пика в изменении негативного отношения к представителям иных национальностей — в 15 и 19 лет. Если считать, что наиболее социально-политически «опасным» является период возрастания негативного отношения, то можно выделить две возрастные группы риска в области национализма: 14–15 и 18–18,5 лет.

Региональные различия в этнонациональных установках. Перейдем к анализу различий этнонациональных установок молодых людей, проживающих в различных регионах России и Латвии. По результатам дисперсионного анализа по всем показателям различия достоверны, однако по тесту Ливена обнаружены достоверные различия между дисперсией по двум шкалам. Вследствие этого для анализа различий был использован Н-критерий Краскала–Уоллеса, являющийся непараметрическим аналогом однофакторного дисперсионного анализа для независимых выборок [9].

Результаты сравнения региональных данных представлены на рис. 3.

Столичные респонденты демонстрируют наименьшее согласие с антинационалистическими установками и в большей степени, чем остальные молодые люди, симпатизируют националистическим установкам. Однако вполне вероятно, что полученные отличия москвичей связаны с большим разнообразием столичной вы-

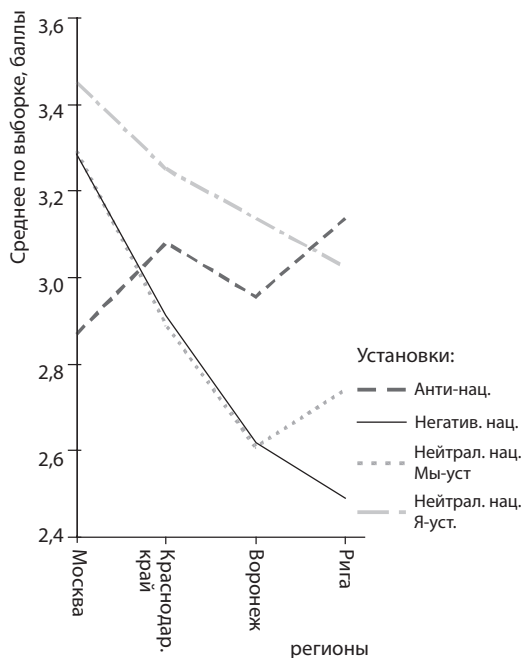

Рис. 3. Этнонациональные установки — региональные различия

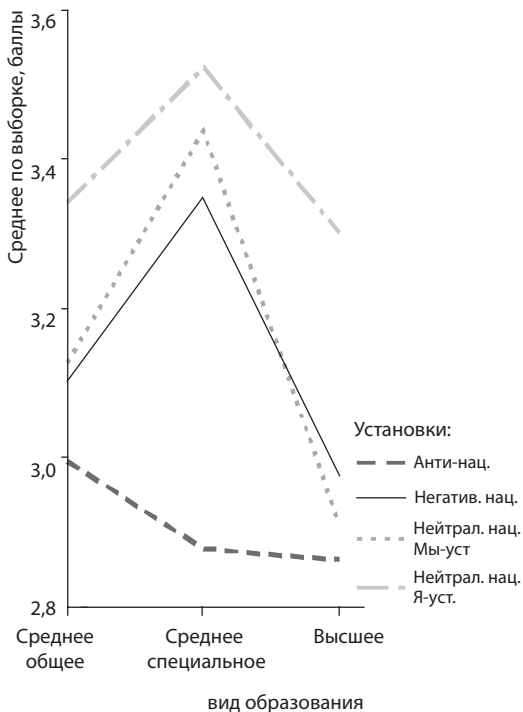

Рис. 4. Тип образования и этнонациональные установки

борки. Для коррекции возможных ошибок мы оценили различия по регионам только между студентами вузов (исключая Латвию). Были выявлены как сходство, так и различия по отношению к результатам по всей выборке. Московские студенты, как и по выборке в целом, лидируют в области согласия с *нейтрально окрашенными националистическими Я-установками* (различия достоверны по критерию Манна—Уитни). Что касается негативных националистических установок, то с ними наименее согласны студенты Воронежа, а наиболее — студенты из Краснодарского края.

В качестве рабочей гипотезы (безусловно, нуждающейся в дополнительной проверке) мы можем предположить, что обучение в московском и воронежском вузах снижает националистическую ориентированность молодого человека, а в аналогичном учебном заведении Краснодарского края, возможно, в связи с региональной спецификой, наблюдается обратный процесс.

Краснодарцы и воронежцы в целом занимают промежуточное положение, однако студенты вуза Армавира (Краснодарский край) более, чем студенты из других регионов, симпатизируют негативно окрашенным националистическим установкам.

Этнонациональные установки и специфика образовательного учреждения. Как уже было отмечено ранее, в нашем исследовании в качестве респондентов выступали молодые люди — учащиеся различных видов образовательных учреждений. Обобщая, их можно разделить на три группы: учреждения общего среднего, среднего специального и высшего образования. Это был один из критериев различий в области этнонациональных установок (рис. 4.)

Как мы видим, различия существенны: влиянию негативно окрашенных националистических установок наиболее подвержены учащиеся средних специальных образовательных учреждений, а в наименьшей

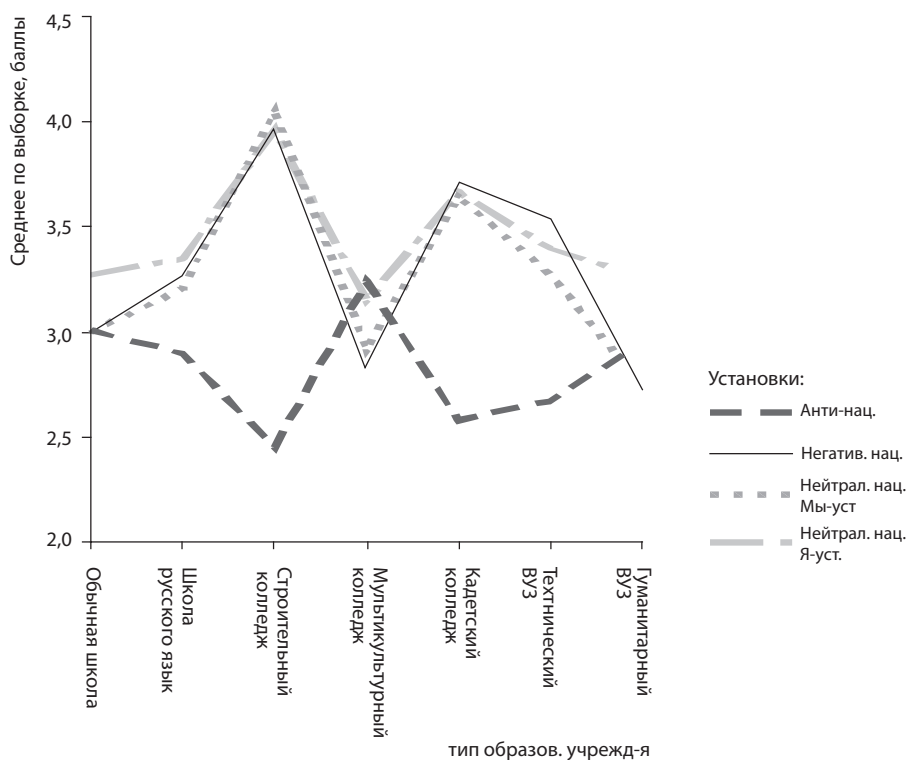

Рис. 5. Вид образовательного учреждения и этнонациональные установки

степени — учащиеся школ и вузов (достоверных различий по результатам парных сравнений нет). Ту же тенденцию мы можем наблюдать и в области нейтрально окрашенных националистических Мы-установок. В то же время выраженность антинационалистических установок у учащихся разных форм обучения значимо не различается.

Естественно, что вид образования — переменная крайне противоречивая, поэтому основной интерес в нашем исследовании вызывает сравнение показателей по этнонациональным установкам между учащимися различных видов образовательных учреждений. Эти результаты представлены на рис. 5. Вследствие того, что между дисперсией по нескольким шкалам существуют достоверные различия, для анализа был использован Н-критерий Краскала—Уоллеса.

Обратим внимание на показатели по антинационалистическим установкам.

Наибольшее согласие с ними демонстрируют учащиеся мультикультурного колледжа, ученики обычных школ и студенты гуманитарных вузов. Наименее согласны с данными установками студенты строительного колледжа и кадеты. Что касается негативно окрашенных националистических установок, то лидерами являются учащиеся строительного колледжа и кадетского корпуса, а оппонировать им студенты мультикультурного колледжа. Для учащихся различных видов учебных заведений различия достоверны по критерию Манна—Уитни.

Примерно такая же ситуация имеет место и в отношении остальных форм националистических установок. Все это позволяет нам представить следующую картину распределения видов учебных заведений по выраженности риска негативных националистических проявлений (табл. 1).

Следует обратить внимание на то, что респонденты из традиционных школ и гу-

манитарных вузов в большей степени согласны с нейтрально окрашенными националистическими Я-установками (из всех видов установок). С нашей точки зрения, это связано с тем, что данные установки (и, соответственно, согласие с ними) являются скорее нормой, чем националистическим «отклонением».

Оценка материального положения, межличностных отношений и представлений о будущем и этнонациональные установки. Рассмотрим результаты влияния не-

скольких социологических переменных, отмеченных в опросном листе, а именно: оценки материального положения, межличностных отношений (с родителями, педагогами, сверстниками) и планов на будущее (найти работу, начать учебу, успешно закончить учебу, завести семью) на этнонациональные установки (см. табл. 2).

По результатам регрессионного анализа мы установили, что антинационалистические установки не подвержены влиянию как представлений о будущем, так и оцен-

Таблица 1

Распределение видов учебных заведений по выраженности риска негативных националистических проявлений

Наибольший риск широкого распространения националистических проявлений	Наименьший риск широкого распространения националистических проявлений
Профессионально-технический колледж (строительный) Образовательное учреждение военной направленности	Мультикультурное образовательное учреждение Гуманитарный вуз Традиционная средняя школа

Таблица 2

Влияние оценки материального положения, межличностных отношений и представлений о будущем на этнонациональные установки

Независимая переменная	Этнонациональные установки			
	антинационал.	негативно окрашенные национал.	нейтрально окрашенные национал. Мы-установки	нейтрально окрашенные национал. Я-установки
Оценка собственного материального положения	—	0,030	0,076*	- 0,020
Оценка отношений с родителями	—	0,070	0,040	0,092*
Оценка отношений с педагогами	—	- 0,228	- 0,161*	- 0,092*
Оценка отношений со сверстниками	—	- 0,030	0,092*	0,080*
Планы на будущее: найти работу	—	0,010	- 0,030	0,118*
Планы на будущее: поступление в вуз и пр.	—	—	—	—
Планы на будущее: семейная жизнь	—	0,070	0,118*	- 0,090
Планы на будущее: закончить школу/университет и пр.	—	- 0,129*	- 0,130*	- 0,104*
Нет никаких планов	—	—	—	—
Примечание. * — данные статистически значимы.				

ки межличностных отношений и материального благополучия.

На остальные этнонациональные установки наибольшее влияние оказывает самооценка респондентами их отношений с педагогами и планирование закончить учебу в образовательном учреждении. Влияние здесь обратное: чем менее позитивными видятся молодому человеку отношения с педагогами, чем менее он планирует закончить учебу в школе/институте, тем более он подвержен националистическим установкам в целом и в первую очередь негативно окрашенным (здесь мы наблюдаем самый высокий коэффициент линейной регрессии).

Интересным представляется то, что положительная оценка собственного материального положения и планирование завести семью имеют прямое влияние на согласие с нейтрально окрашенными националистическими Мы-установками. Возможно, это связано с тем, что данные установки ориентируют человека в межличностном пространстве коммуникации, они являются менее идеальными, чем Я-установки и потому связаны с общей ориентацией человека на то, что можно обозначить как традиционные ценности повседневной жизни.

ВЫВОДЫ

1. По большинству из описанных в статье параметров были найдены существенные различия между разными формами этнонациональных установок, что является эмпирическим подтверждением представления о многомерной нелинейной модели этнонациональных аттитюдов. Эта модель позволяет объяснить одновременное согласие с некоторыми антинационалистическими установками и с неприязненным отношением к «иным». Когнитивная сложность не может считаться однозначным предиктором снижения национализма. Она только усложняет его исследование.

2. Половые различия в области этнонациональных установок достаточно существенны. Юноши декларируют большее согласие со всем вариантами националистических установок. Девушки же, напротив, склоны разделять антинационалистические установки. В целом, профиль этнонациональных установок в женской части выборки имеет более сбалансированный характер, чем у молодых людей. В обеих подгруппах превалируют нейтрально окрашенные националистические Я-установки, однако у девушек разрыв между ними и антинационалистическими установками не столь значителен, как у мужской части выборки.

3. Существенных возрастных отличий в диапазоне 13–20 лет в области этнонациональных установок не наблюдается. Исключением является установка на негативное отношение к людям других национальностей, наибольшее согласие с которой демонстрируют молодые люди 14–16 и 19 лет, а наименьшее — 17 и 20 лет. Это не случайно: основные представления об этничности складываются как раз к 13–14 годам.

4. Русскоязычные подростки, проживающие в Латвии, демонстрируют наибольшее согласие с антинационалистическими установками. Вероятно, именно опыт успешного проживания в мультикультурной среде приводит к снижению влияния негативного национализма.

5. Наибольший риск широкого распространения националистических проявлений существует в среде учащихся профессионально-технического колледжа (строительного) и образовательного учреждения военной направленности, наименьший — в мультикультурном образовательном учреждении, гуманитарном вузе и традиционной средней школе.

6. Чем менее позитивными видятся молодому человеку отношения с педагогами, чем менее он планирует закончить учебу в школе/институте, тем более он

подвержен националистическим установкам в целом и в первую очередь негативно окрашенным. Риск национализма резко повышаются при выпадении молодого человека из повседневной социализационной схемы.

7. Можно построить гипотетическую модель — образ молодого человека, который входит в группу риска в области негативного национализма. Это житель столицы, мужского пола, 14–15 или 18–18,5 лет (в меньшей степени), учащийся в профессионально-техническом образовательном учреждении и не настроенный на успешное его окончание, негативно оценивающий отношения с педагогами. Сочетание этих факторов в значительной степени повышает вероятность согласия молодого человека с «негативно-окрашенными» националистическими установками.

1. Адорно Т. и др. Исследование авторитарной личности. М.: Серебряные нити, 2001.
2. Асмолов А.Г., Ковальчук М.А. О соотношении понятия установки в общей и социальной психологии // Теоретические и методологические проблемы социальной психологии / Под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 143–163.
3. Белинская Е.П., Стефаненко Т.Г. Этническая социализация подростка. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2000.
4. Громов Д.В. «Соревнование маскулинностей» как один из аспектов межнациональной напряженности в Москве // Молодежь Москвы: адаптация к многокультурности / Под ред. М.Ю. Мартыновой, Н.М. Лебедевой. М.: РУДН, 2007. С. 367–403.
5. Коротеева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М.: РУДН, 1999.
6. Кочергин А.А. Конструирование этнических идентичностей и ксенофобия (пример дискурса «укорененности» в Краснодарском крае) // VI конгресс этнографов и антропологов России. СПб., 28 июня – 2 июля 2005 г. Тезисы докладов. М.: ИЭА РАН, 2005. С. 512–513.
7. Мукомель В.И. Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) // Социол. иссл. 2005. № 2. С. 56–66.
8. Мукомель В.И. Ксенофобия и насилие в России: современные и грядущие вызовы // Вестн. Ин-та Кеннана в России, 2009. Вып. 16. С. 7–15.
9. Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. СПб.: Речь, 2007.
10. Нельсон Т. Психология предубеждений. Секреты шаблонов мышления, восприятия и поведения. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003.
11. Олпорт Г. Природа предубеждения // Век толерантности. 2003. № 5. С. 11–24.
12. Подростки и юношество в многонациональной Москве: Формирование этнического самосознания и межэтнических отношений / Под ред. В.Д. Шапиро и др.. М.: Ин-т социологии РАН, 2007.
13. Руссита Т.Э., Хухлаев О.Е. Этническая идентичность и значимое социальное окружение индивида (исследование русскоязычного юношества Латвийской Республики) // Культурно-историч. психол. 2007. № 4. С. 11–18.
14. Солдатова Г.У. В мире «чужих»: психология ксенофобии // Век толерантности. 2004. № 8. С. 17–43.
15. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. Толерантность как способ взаимной адаптации местного населения и вынужденных мигрантов // Век толерантности. 2003. № 5. С. 72–81.
16. Фромм Э. Здоровое общество. М.: АСТ, 2006.
17. Хухлаев О.Е., Кузнецов И.М. «Национализм как социально-психологический феномен: к постановке вопроса» // Акмеология. 2008. № 3, 4. С. 118–125, 111–118.
18. Appel K.E. Nationalism and sovereignty: A psychiatric view // J. Abnorm. and Soc. Psychol. 1945. V. 40. Iss. 4. P. 355–362.
19. Brubaker R. Ethnicity, race and nationalism // Ann. Rev. Sociol. 2009. V. 35. P. 21–42.
20. Dekker H., Malova D., Hoogendoorn S. Nationalism and its explanations // Political Psychol. 2003. V. 24. N 2. P. 345–376.
21. Diaz-Guerrero R. Toward a psychological nationalism // Peace and Conflict: J. Peace Psychol. 1997. N 3(4). P. 373–382.
22. Fessler L. Psychology of nationalism // Psychoanalytic Rev. 1941. N 28. P. 372–383.
23. Kleinpenning G., Hagendoorn L. Forms of racism and the cumulative dimension of ethnic attitudes // Soc. Psychol. Quart. 1993. V. 56. N 1. P. 21–36.
24. Liu J.H., Mills D. Modern racism and neo-liberal globalization: The discourses of plausible deniability and their multiple functions // J. Community & Appl. Soc. Psychol. 2006. N 16. P. 83–99.
25. Searle-White J. The psychology of nationalism. N.Y.: Palgrave, 2001.
26. Van Laara C. et al. The effect of university roommate contact on ethnic attitudes and behavior / C. Van Laara, S. Levin, S. Sinclair, J. Sidanius // J. Exp. Soc. Psychol. 2005. V. 41. Iss. 4. P. 329–345.